РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Народы Сибири: история и культура.
Медведь в древних и современных культурах Сибири

Ответственные редакторы
доктора исторических наук *И.Н. Гемуев, Н.А. Алексеев,*
кандидат исторических наук *И.В. Октябрьская*

Национальная
библиотека
им. Н.Г. Доможакова
Республики Хакасия

Новосибирск
Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
2000

В.Я. Бутанаев

Медведь по воззрениям хакасов

Среди хакасов медведь (аба), которого представляли далеким братом человека, был одним из самых почитаемых зверей. Он служил также тотемным животным. Например, хакасский сеок аба вел свое происхождение от медведя.

В каждой юрте находился медвежий фетиш – аба тӧс, который ставился у порога и служил оберегом жилища[1]. К нему обращались почтительно, называя *ага* 'дедушка'. Аба тӧс состоял из железного или медного кольца, установленного на тальниковой развилке. К кольцу привязывали шкуру с правой передней лапы медведя и камусовую шкуру черно-гнедой лошади. Через каждые девять лет аба тӧс'ю жертвовали черного барашка. Ежегодное кормление аба тӧс'я устраивали в сумерках, во время последней четверти Луны весной и осенью. Перед аба тӧс'ем клали плоский камень, разводили на нем костер и в огонь крошили верхушки дудок борщевика, девять пучков черемуховых веток, девять кусочков конского сала, девять зерен ячменя, девять щепоток крупы и голову щуки. Кто весной и осенью забывал кормить аба тӧс'я, тем, как считалось, он мстил, поражая поясницу и мочеполовые органы. При этих заболеваниях пострадавший и все присутствующие, не крестясь, кланялись аба тӧс'ю. Приглашалась женщина-арбагджи (заклинательница), которая кормила его указанной пищей и, стуча двумя железками, произносила заклинание:

Яма, яма, яма!
Ты создался вместе с черной землей, яма-яма!
Ты родился вровень с царским небом, яма-яма!
Ты вышел из густой тайги, яма-яма!
Ты перевалил непроходимую тайгу, яма-яма!
Ты обрядился черным медведем, яма-яма!
Ты внедрился в многоугольную юрту, яма-яма!
Ты лег под основание юрты, яма-яма!
Ты был защитой пасущегося скота, яма-яма!
Ты дал счастье большому жилищу, яма-яма!
Ты заботишься о черноголовом народе, яма-яма!
Ты перевалил дремучую тайгу, яма-яма!
Ты превратился в трехлетнего медведя, яма-яма!
Ты спустился в белый дворец, яма-яма!
Ты лег с северной стороны основания юрты, яма-яма!
Ты был сторожем многоугольной юрты, яма-яма!
Ты был часовым войлочной юрты, яма-яма!
Охраняй мой черноголовый народ, яма-яма!
Ты не будешь спать ни ночью, ни днем, яма-яма!
Ты смотрел через отверстие кольца, яма-яма!
Ты втягиваешь жертвенную гарь ячменя и крупы, яма-яма!
Ты жуешь сухую дудку борщевика, яма-яма!
Ты ешь пищу из пестрой щуки, яма-яма!
Не надо цепляться к пояснице, яма-яма!
Не надо вешаться на два бедра, яма-яма!
Не надо сдавливать мочеполовые органы, яма-яма!
Перевали назад, в непроходимую тайгу, яма-яма!
Ты просочился через хребет Абыл*, яма-яма!
Ты прошел через гору Ах парчыл*, яма-яма!
Ты обитаешь на северной стороне юрты, яма-яма!
Ты имеешь опахало из черной сыромяти, яма-яма!
Ты лежишь под основанием юрты, яма-яма!
Ты питаешься жертвенной гарью ячменя и крупы, яма-яма!
Ты одел золотое кольцо, яма-яма!
Ты грызешь сухую голову дудки борщевика, яма-яма!
Ты имеешь оберег из зеленого сукна, яма-яма!
Ты ездишь на черно-гнедом коне, яма-яма!
Ты не дави мочеполовые органы, яма-яма!
Возвращайся в глухую тайгу, яма-яма!
Яма. Яма, яма![2]

Почитание аба тӧс'я, вероятно, было связано с культом медведя, который считался братом древних предков людей. Слово *аба* употребляется также в значении 'отец' (сагайский диалект), или 'старший брат' (качинский диалект). Поэтому возможно предположить его связь также и с культом умерших предков. Кстати, заслуживает внимания возглас *яма*. Древние тюрки так называли бога - царя загробного мира[3].

Согласно хакасским представлениям, после добычи медведя охотники обязательно устраивали поминки, называемые *аба тойы* 'медвежий праздник'. Без совершения тоя было нельзя употреблять в пищу медвежатину, иначе, как считали, человек поплатится своей жизнью. Легкие и внутренности вообще не ели, за исключением прямой кишки, которую использовали для приготовления колбасы 'хосханах'. Считалось, если съесть печень, то у человека заноет душа, словно по погибшему близкому родственнику. Несоблюдение обряда аба тойы могло оскорбить горных духов *таг ээзи*, хозяев тайги.

---

* Верховья р. Абакан.

Почитание медведя выражалось прежде всего в том, что хакасы остерегались (особенно в тайге) называть его настоящим именем. Древнетюркский термин *азыг* в хакасском языке давно был заменен эвфемизмом *аба* 'отец', а старое название сохранилось в застывших выражениях типа *азығ айы* 'месяц медведя' (февраль). (Якобы в феврале медведь переворачивается в берлоге на другой бок.) С течением времени термин *аба* внедрился настолько глубоко, что стал общим названием медведя, которое тоже подвергается заменам; *аға* 'дедушка'; *улуғ аға* 'прадедушка'; *абай* 'старший брат, дядя'; *тайға адазы* 'таежный отец'; *апчах* 'старик'; *хайрахан* 'господин'; *чир кізізі* 'земляной человек'; *ухаанчыл* 'ясновидец'; *чир хулах* 'земляное ухо' (т.е. всеслышащий); *чиген частых* 'атмосферное изголовье' (т.е. всеслышащий); *тир тон* 'потная шуба' и т.д.

Медведю приписывается способность стыдиться. Женщины при встрече с ним должны обнажаться, тогда он убежит, сгорая от стыда и смущения.

Охотились на медведя зимой, в январе, когда он крепко спал в берлоге. Обнаруженное логово охотник метил своей тамгой. По хакасским законам другой человек уже не имел права добыть этого медведя. Отправлялись к берлоге артелью. Чтобы разбудить медведя, во вход логова просовывали специальный шест *сыгдаған*. В этот момент старший артели обращался к медведю: "Китайское войско идет убивать тебя. Закрывай свои двери, черная покорность". Указанными словами как бы снималось подозрение с хакасских звероловов. Убив медведя, его вытаскивали из берлоги, переворачивали вниз мордой и под голову подкладывали подушку из травы. Один из охотников садился на него верхом, гладил голову и причитал:

О великий отец! Зимой ты заходишь в зимник,
О, великий отец! Летом ты переходишь в летник,
По горам, треща заросшими дудками, ходившие твои лапы,
По горам, хрустя заросшим таволожником, ходившие твои подошвы,
С крутой скалы оборвались, о, великий отец!
Уу, если будет лето, то обходи сзади меня,
Уу, если будет зима, то попадайся впереди меня!
Корни таежной травы раздавливающий,
Ты будешь хрустеть на 30 моих зубах!
Верхушки борщевика со смаком жующий,
Ты будешь хрустеть на 40 моих зубах!
О, что случилось с тобой, великий отец?
Не сильно ли выстрелили, не сильно ли попали?
Не упал ли ты навзничь, играя, не упал ли ты набок, гуляя?
Не остался ли без тебя твой малыш?
Не остался ли без тебя сидеть твой сирота?
Почему ты вышел в степи Хоорая* без присмотра?
Великий отец! Ты погиб, выпив вино** крупного бая.
Ты гулял по многим местам, ты попал в руки людей,
Траву черной тайги больше не топчи, ложись,
Отдыхай и спи, великий отец![4]

Затем начинали обдирать шкуру. Ее обязательно снимали в тот же день, даже если уже стемнело. Разводили костер и сначала молились "хозяйке огня". Охотник, убивший медведя, причитал: "Наш отец опьянел и уснул". До совершения оплакивания нельзя было снимать шкуру. При обдирании приговаривали: "Мы снимаем с тебя теплую шубу. Не обижайся на нас. Мы раздеваем тебя, ты виноват сам и не серчай на нас". Начинали обдирать с лап. Зубы выбивали, голову отрезали, и с плачем вешали ее на развилку дерева. Поперек пасти вставляли палку. Охотник, убивший зверя, вешал его голову мордой в сторону заката солнца со словами: "Дедушка, вышедший из глухой тайги, ты был хорошим человеком!"

После снятия шкуры два охотника становились с двух сторон туши и стегали прутьями голую тушу, приговаривая: "Не мешай нам, не гневайся на детей, не гонись за ними, не появляйся среди аала!". Один из них спрашивал: "В каком государстве ты правишь?". Второй отвечал: "В нашем государстве он правит. Не мы его убивали, его убил китайских хан!"

Когда тушу медведя увозили из тайги, то по дороге трижды крест-накрест бросали прутья, чтобы душа зверя, если погонится за охотниками, задержалась у этих знаков. Дома совершали медвежий праздник. Люди причитали: "Провожаем нашего великого отца! Умер наш отец!" или, если была убита медведица: "Умерла наша мать!" Всю ночь играли на хомысе, рассказывали сказки, пили вино. Кормили душу медведя (*сўрўн*) сжиганием пищи в огне, словно на поминках усопшего. Этой ночью нельзя было спать, ибо верили, что душа медведя может задавить человека. Кости все собирали и хоронили.

Медвежье сало разрезали на куски и раздавали всем жителям аала. Некоторые охотники глотали сырыми глаза. Хакасы верили, что медведь не решится прямо смотреть на такого охотника и будет бояться его взгляда. Некоторые мужчины проглатывали хрящик от основания медвежьего языка со словами: "Если я буду говорить, то понимай мой язык!" Считали, что речь такого человека будет доходчива для медвежьего уха. Кусочки языка давали съесть заике или припадочному, чтобы болезнь прошла. Женщинам предлагали съесть матку медведицы, дабы стали легкими роды. Шкуру медведя не выделывали, чтобы у мастерицы ребенок не стал злым. Верили, что если шкуру потрясти на улице, то поднимется ветер. Лапу с когтями прибивали у дверей, чтобы оградить дом от злых сил. Медвежьей желчи также приписывали магические свойства. Считали, если ее вылить на землю, то пойдет дождь или снег. Когда осенью поднимался буран, не-

---

* Хакасии.

** Получив пулю.

сло снежные вихри, то хакасы были уверены, что это загуляли аганы (т.е. медведи) перед тем как залечь в берлогу.

Медвежий праздник возник под влиянием представления о кровной связи людей с медведем и их общих предках. Совершение поминок снимало запрет на употребление его мяса в пищу. Могучая сила медведя породила веру в магические свойства органов его тела.

Примечания

[1] *Бутанаев В.Я.* Почитание тёсей у хакасов // Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 89 - 111.

[2] *Сообщение* Харатая Толстухина, 1895 г. рожд., сеок ах соххы, аал Кандалов.

[3] *Древнетюркский* словарь. Л., 1968. С. 231.

[4] *Сообщение* Кочиты Сазанаковой, 1911 г. рожд., сеок ах пилтір, аал Б. Арбаты.